

ЦИНИЧНО Я ГЛЯЖУ НА НАШЕ ПОКОЛЕНИЕ¹

А.В. Антоновский
Институт философии РАН

Аннотация: *Статья содержит спонтанные реминисценции о формировании первого российского студенческого поколения на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова (1991–1996). Это философское поколение попало в самую сложную ситуацию 90-х годов, развала СССР, разобесценивания большей части всех духовных и материальных основ жизни. В качестве парадоксального результата можно констатировать, что первое свободное философское поколение в своей массе сформировалось как в большей степени ориентированное не столько на научный или философский, сколько на политический, экономический и массмедийный успех и внесло свой небольшой вклад в генерацию текущего застойного состояния общественно-политической жизни в стране. Тем не менее и оно породило несколько ярких имен, которые сегодня определяют облик актуальной философии отечественной философии.*

Ключевые слова: *философский факультет, 1991–1996, поколение, общественно-политический застой.*

Спасибо Юлии Владимировне Синеокой за возможность принять участие в ее интересном проекте. Его уникальность и ценность, как мне кажется, в том, что он может оказаться полезным не только читателям, интересующимся «социологией философии», сколько, прежде всего, самим авторам. Это может стать хорошей возможностью деконструировать свою молодость, воспроизвести настроение эпохи в отдельно взятой научной дисциплине, «изобрести» российскую философскую традицию.

Понятие *философского поколения*, как и всякое понятие, схватывает лишь то, что оно само и перформативно синтезирует. Всегда можно сказать, что никаких философских поколений не существует, как не существует никакого цементирующего единства, связывающего разношерстный коллектив философского курса 1991 года. Каждый новоявленный студент имел свой бэкграунд, идеосинкразийный интерес и представления о будущем. Никакой выраженной субъектности, общего интереса, коллективного действия этот довольно случайно интегрированный коллектив философов и не выказывал, и не осуществлял. По крайней мере, у нас нет сколько-нибудь надежных наблюдательных средств, чтобы эту субъектность так или иначе зафиксировать. Социологические опросы тогда не проводились, а сегодняшние реминисценции – включая и данную – страдают односторонностью, предвзятостью, а то и несоглас-

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 862–869.

сией с фактически реализовавшимися потенциями. И тем не менее мы не можем не использовать это понятие. Ведь только оно дает возможность фрагментировать и хоть как-то систематизировать философскую среду в пространстве и времени как обособленный объект научного интереса и самой философской саморефлексии. Без него не понять эволюцию отечественного философского образования, не схватить социальный и культурно-исторический контекст, в который погружена отечественная философия, не понять отечественную философию в ее фактичности. В этом смысле мы понимаем всю искусственность этой философской «пятилетки» (1991–1996) и отдаем себе отчет, что наша наблюдательная позиция 2020 года вносит свои «повреждающие» эффекты в этот все более отдаляющийся феномен. И тем не менее надеемся, что сама фактуальность этих сумбурных воспоминаний окажется независимой от общего теоретического утверждения или скорее гипотезы, заявленных в аннотации.

Мое формальное философское рождение пришлось на рубежный 1991 год. Окончив три курса исторического факультета МПГУ, я поступил на факультет советской, а был зачислен уже на факультет российской философии. Вместе с тем это был и год рождения факультета социологии МГУ. Социология вместе с общественными дисциплинами наконец и институционально отпочковалась от философии, и, видимо, должна была «забрать» с собой всех «конъюнктурщиков» и карьеристов, а философский факультет оставить незаинтересованным в политической карьере созерцателям. И всё-таки в структуре факультета осталось отделение политологии, что стало некой приманкой для тех, хотел совместить перспективу «человека действия» и «человека знания» (если пользоваться дистинкциями Флориана Знегнецкого). И забегая вперед, скажем, что эта перспектива их не обманула.

Начиналось всё традиционно и вполне по-советски – с картошки и логики. Это был последний год, когда философский факультет отправлял первокурсников на картошку в Можайский район, близ деревни Бородино. Другим «советским пережитком» была система «рабфаков», ныне отмененных «социальных лифтов», когда отслужившие в армии ребята по упрощенной программе попадали на «рабочий факультет», а потом по результатам выпускных экзаменов поступали на первый курс. Собственно эта группка «рабфаковцев», почти по образцу «армейских дедов», и образовала формально-неформальную лидерскую группу на факультете, занимая все ведущие и в каком-то смысле «хлебные» места (студком, студсовет факультета, а затем и университета). Студком и студсовет МГУ представляли в то время платформу для итогового карьерного прыжка в университетскую администрацию. Попутно же члены этих органов, помогая администрации факультета, могли получить небольшие «блага» в виде отдельной комнаты в общежитии или приоритетного распределения «путевок» в университетские пансионаты или за границу и т.д. (Бессменный председатель студсовета Зинченко Ю.П. стал проректором и позже деканом факультета психологии и теперь занимает пост президента Академии образования.) Собственно, те, кто «вращался» вокруг него, и обеспечили себе тот самый «социальный капитал» Бурдьё, который впоследствии можно было «конвертировать» в будущую карьеру. И здесь представители философского факультета были не на самом последнем месте.

Картошку сменила логика. Какому-то дальновидному человеку из методического отдела, видимо, показалось, что метод логического погружения по аналогии с погружением в иностранные языки сделает нам прививку рациональности от идеологических нарративов. На первом курсе логика была у нас утром, днем и вечером; логика математическая, логика модальная, логика формальная и неформальная преподавалась у нас каждый день! Правда, без диалектической логики тоже не обходилось. Ее мы учили, как водится, не по Гегелю, а по А.В. Панину и П.В. Алексееву, которые читали «Введение в философию», единственного помимо логики лекционного курса в первом семестре. Мы с легкостью вычитали и складывали понятия (из понятия прямоугольника вычитали понятие треугольника, что тогда казалось откровением). Очень хотелось переложить какой-нибудь литературный текст на язык пропозициональной логики и формально его исчислить. Ничего не могу сказать плохого про

главного логика Ю.В. Ивлева, кроме того, что он полностью испортил свою репутацию передо мной, когда поставил мне четверку на госэкзамене, в результате чего мне не дали красный диплом. Уже много позже, в аспирантуре в Германии, я узнал, что все, что нам представлял Ю.В. Ивлев как свои выдающиеся достижения в области символической логики, это было переложение – сегодня уже довольно архаических – идей «Begriffsschrift» Г. Фреге.

Во втором семестре мы слушали С.Т. Мелюхина. Речь в основном сводилась к возможностям инопланетной жизни и фактическим доказательствам ее присутствия. Вместо зачета требовалось рассказать о своей будущей специализации. К тому времени я уже определился со своим научным интересом в области современной социальной теории и сообщил, что меня интересуют проблемы социальных интеракций. Интеракции, сказал Мелюхин, слово неправильное. Правильно говорить «взаимодействие», на чем и закончился зачет.

Кафедру «философии и методологии науки» нам представляли как наиболее продвинутую с точки зрения тем и проблем, которые там исследовались и преподавались. Ей руководил декан А.В. Панин, специализировавшийся на идеях Карла Поппера. «Критический рационализм» Поппера пришелся как нельзя кстати под занавес уходящей идеологии. Только что было переведено «Открытое общество», о чем преподаватели нам говорили как о некоем откровении, которое должно было легитимировать расставание с Марксом, – процесс, который на философском факультете затянулся на многие годы. Марксизм продолжал доминировать и на моей кафедре социальной философии, хотя именно в год моего поступления она утратила название «исторического материализма» и, одновременно, – свое глобальное идеологическое значение для страны. Впрочем, и ранее марксизм, по крайней мере для ее заведующего К.Х. Момджяна, был скорее прикрытием для разработки собственной концепции. Эти несколько герметичные для первокурсников идеи получили название «субстанциально-деятельностной» теории, получившейся в результате синтеза функционализма Парсонса, марксистской терминологии-прикрытия и идей раннего Питирима Сорокина. Вечным оппонентом-адвокатом у Момджяна был (и остается сегодня) К.С. Кржевов, а объектом критики или, точнее сказать, жупелом выступал (и выступает до сих пор) Ф.И. Гиренок как некое воплощение «валюативной философии» некоего гипотетического концепта и комического примера ненаучной парадигмы, которую, конечно, Гиренку из жалости оставляют для его философских развлечений, но из науки безжалостно вычеркивают вместе с ним.

Собственно, эта дилемма научности и ненаучности разделяла и кафедры. Если на кафедре истмата (теперь социальной философии) и диамата (превратившейся на некоторое время в кафедру «теоретической философии») собирались приверженцы стандартной позитивистской доктрины, то на других кафедрах картина была принципиально другой. На кафедре истории зарубежной философии царствовал Г.Г. Майоров, а на кафедре истории и теории мировой культуры читали А.Л. Доброхотов, В.В. Иванов, и конечно А.Я. Гуревич. Кафедра теории и истории мировой культуры лидировала неформально, по крайней мере по числу стремившихся туда попасть студентов, которым приходилось выдерживать реальный конкурс. Тогда еще философский успех измерялся способностью вдохновенно читать лекции и артистизмом преподавателя. Никто еще не думал о том, что «научные прорывы» будут определяться иностранными концернами «WoS» и «Scopus». Это был золотой век предсетевой науки, но уже слышалось дыхание глобализма. Открылись источники мировой мысли, но философу еще не обязательно было знать слишком много, чтобы обосновывать свои философские притязания. При этом было много иностранных гостей, довольно известных фигур мировой философии, в особенности из Германии, которых переводила Дагмар Миронова.

Собственно, некоторый крен от пропитавшего все насквозь марксистского «позитивизма» начали демонстрировать типичные «научные» кафедры. Помню, что первые статьи, которые нам, второкурсникам, предложили почитать по программе «теоретической философии», принадлежали недавно ушедшему от нас В.М. Миронову и содержали критику антициентизма (в «Вопросах философии» 1984 г.). Это был первый философский текст, в кото-

ром я, собственно, так и не разобрался, но понял, что ни сциентизм, ни антисциентизм ничего хорошего из себя не представляют. Второй попыткой прочитать отечественный текст стала книга К.Х. Момджяна «Категории исторического материализма», которую старшекурсники называли «оранжевой библией». Этот текст я добросовестно прочитал три раза, подчеркнул в нем почти все предложения, пересказал как мог своим одногруппникам и после этого, как мне казалось, кое-что понял. И прежде всего, то, что к чтению российских авторов нужно относиться с осторожностью, а читать, конечно, нужно исключительно на иностранных языках. В то время это была распространенная установка. Мои однокурсники с жаром учили иностранные языки, надеясь позаимствовать заграничной мудрости. (Сегодня эта установка благополучно изжита.) Тем не менее тип дискурса и в каком-то смысле габитус автора этой вышеозначенной уникальной монографии К.Х. Момджяна были зажигательны, герметичны и полны юмора, но главное – притягивали на всеохватность, на некую системную «теорию всего», которая, по мысли лектора, единственно могла наконец сообщить работающим в социальном поле ученым, что же такое общество. При этом его вечный оппонент-адвокат Кржевов создавал известный полемический драматизм, хотя тонкостей самих контроверз в его полемике с Момджяном ухватить не получалось. Это заставляло нас искать западные аналоги такой «универсальной системной парадигмы». Что касается меня, то я прошел простым путем – открыл только что вышедший «Словарь современной западной социологии», прочитал все статьи и обнаружил, наверное, единственный аналог социального универсализма, который создавал в своей «субстанциально-деятельностной теории» К.Х. Момджян. Это была системно-коммуникативная теория Никласа Лумана. Теперь можно сказать, что загадочные каузации в диффузии социального знания привели к тому, что лекции Момджяна породили популяризацию в России «системно-конструктивистских идей» Никласа Лумана.

При этом довольно хорошо ощущалось, что большинство преподавателей ощущали некоторую неловкость за свой марксистский бэкграунд (за исключением ряда узколобых марксистов типа И.А. Гобозова и Р.И. Косолапова) и пытались уйти в какую-то новую философскую парадигму. Даже такая научно-ориентированная кафедра, как кафедра философии и методологии науки под руководством декана А.В. Панина, начала испытывать крен в области феноменологии и герменевтики. Семинарский курс вела у нас Ю.Д. Артамонова, философия науки сводилась главным образом к Дильтею, Шлейермахеру и Гадамеру. Люди ходили неохотно, далеко не всем было интересно разбираться в тонких дистинкциях немецких понятий. Лекционный курс вел Кузнецов Б.Г., который, похоже, изучал феноменологию и философскую герменевтику вместе с нами. Но поскольку мы эти дисциплины изучали плохо, он и остался в них единственным специалистом.

В целом эта дифференциация кафедр на «научные» и «ненаучные» странным образом воспроизводила и ориентиры студентов. На кафедру социальной философии шли во многом из карьерно-административных соображений. Недаром в мое время на ней училась и небезызвестная Наталья Тимакова, прессекретарь Дмитрия Медведева и одна из архитекторов медведевской оттепели. Поскольку она была тусовщица и прогульщица, то, видимо, все курсы она пропустила мимо ушей, включая и курс легендарного Ричарда Ивановича Косолапова, знаменитого брежневского идеолога, составителя программы 27-го съезда и главного редактора журнала «Коммунист». Курс Косолапова запомнился мне, главным образом, его воспоминаниями о заседаниях Политбюро ЦК КПСС.

Из всей моей группы только Емелин В.А., ныне заместитель декана факультета психологии МГУ, в настоящее время как-то закрепился в философии, тогда как остальные нашли себе «нефилософское применение». Борис Соболев – скандальный журналист НТВ, прославившийся тем, что спровоцировал нуждающуюся женщину на продажу своего ребенка, а затем выставил эту «продажу» в эфир канала НТВ. Остальные из моих одногруппников разъехались по эмиграциям или работают на уровне менеджеров среднего звена.

В целом мне кажется довольно любопытным то обстоятельство, что на факультете 1991–1996 годов учились несколько персон, сыгравших не самую последнюю роль в становлении нынешней идеологии. Помимо Тимаковой, я имею в виду своего однокурсника Алексея Чеснакова, бывшего идеолога «Единой России», Юрия Сапрыкина, журналиста и, как известно, одного из соорганизаторов протестов 2012 года. Сюда же можно отнести и других моих однокурсников – главу ВЦИОМ Валерия Федорова, ресурсовика-идеолога Константина Симонова, а также «героя ДНР» Юрия Борода (кстати говоря, закончившего аспирантуру нашей кафедры), участника так называемой Русской весны. Возможность самореализации в политике, околополитических или идеологических СМИ казалось моим однокурсникам гораздо более привлекательной перспективой, нежели чтение скучных философских книг. Этому поспособствовал и новый для того времени феномен многочисленных «ток-шоу», прежде всего В. Листьева, А. Любимова и Е. Киселева, где студенты-философы неожиданно стали желанными гостями. Всем хотелось в телевизор, и многим даже удалось там задержаться. В целом мало кто связывал свою карьеру с философией. Количество моих однокурсников, ушедших в медиасферу и политику, оказалось существенно большим, чем тех, что остались в науке или образовании. Помимо себя я могу назвать моего друга Алексея Круглова, коллег Артема Кротова и Станислава Гавриленко. Остальные просто растворились и пропали из поля зрения.

И всё же в этом контексте «социально-политических карьерных перспектив» выделялись кафедра истории и теории мировой культуры и, отчасти, кафедра истории зарубежной философии. На ИТМК специализировались не тусовщики и карьеристы, а, скорее, романтики, предпочитавшие конкретное культурно-историческое образование абстрактной философской рефлексии. Но и они, насколько я могу отследить, никаких серьезных научных или административных успехов не достигли.

Что касается содержания образования или, лучше сказать, ведущих фигур, которые занимали умы студентов, то это был, прежде всего, М. Хайдеггер. Посвященный ему курс читался Бибихиным. Все к месту и не к месту читали Гельдерлина, Рильке, собственно не понимая ни контекста, ни контента. Хайдеггер в бибихинском переводе через архаизмы старорусского языка, конечно, был властителем студенческих дум. «Экзистенциалы» применялись по делу и не по делу и чуть ли не входили в бытовую студенческую речь. Второй по популярности была кафедра ИЗФ, породившая замечательного современного кантоведа Алексея Круглова, с которым мне посчастливилось участвовать в ряде совместных проектов в России и Германии, вместе учиться в аспирантуре ИФ РАН. Другой выпускник моего курса, Артем Кротов, сегодня успешно совмещает научно-административные и исследовательские позиции. Но, конечно, самые заметные карьерно-административные позиции удалось достичь выпускникам отделения политологии. Уже упоминаемый ранее Валерий Федоров бесценно руководит ВЦИОМом и, удачно применяя формирующие опросы, помогает другому моему однокурснику, «идеологу ЕР» Алексею Чеснакову «зомбировать» публику.

Парадокс этой ситуации состоял в том, что это политизированное философское поколение рекрутировалось в политику и идеологию из крайне деполитизированной среды. В целом жизнь на факультете в 1991–1996 годах я бы охарактеризовал как крайне деполитизированную, как в аспекте внутренней жизни, так и в аспекте политических взглядов и политического активизма. Кейс Толоконниковой не мог бы реализоваться в эти годы. Эта «деактивация» молодежи начала девяностых представляла разительный контраст с концом 80-х. В сравнении с этим, мои однокурсники по первому образованию на истфаке в августе 1991-го почти в полном составе вышли на баррикады. Напротив, события ноября 1993 года не вызвали среди моих однокурсников-философов ни энтузиазма, ни разочарования. Наверное, из всего курса я единственный, кто пошел защищать «новую Конституцию» и Б. Ельцина. Теперь-то я понимаю, что защищать надо было Белый дом и парламентаризм, но дела это не меняет. «Занозы не оставил» и 1994 год. Обе чеченские войны и фальсифицированные выборы Ель-

цина в 1996 году тоже оставили нас равнодушными. Причем день выборов пришелся на вручение дипломов, и предстоящее отмечание волновало нас гораздо больше. Карьера и вопрос самообеспечения – вот то, что занимало нас в эту «эпоху». Еще меньше интереса вызывала проблема внутреннего самоуправления. Симулякры студенческого самоуправления в виде студсовета, студкома и профкома по сути являлись механизмами коррумпированного распределения тех немногочисленных ресурсов, которые были в их распоряжении и которые распределялись среди своих и приближенных, куда волею случая входил и я. Помимо прочего, это была и «американская помощь», которая приняла странный вид каких-то солдатских пайков с «галетами» и «ореховым маслом», о существовании которого я как раз тогда и узнал. В целом это настроение того времени я могу охарактеризовать как некое «состояние угара». Наше поколение открыло для себя «западный» алкоголь. И надо сказать, что это открытие (пиво в банках «Белый медведь» и водка «Абсолют») интриговало нас гораздо сильнее, чем философские изыскания. Причем было видно, как параллельно эти «открытия» совершали и наши преподаватели. Выпивать и курить некоторое время не запрещалось даже на «сачке» первого ГУМа.

На этой «оптимистической» ноте я хотел бы завершить свой краткий и сумбурный экскурс в историю философских поколений. И заранее прошу прощения у всех упомянутых мной лиц, если им не понравится тот «свет», в котором они представлены.